

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

Ленинградский ордена Ленина
и ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени А. А. Жданова

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
АНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА

Межвузовский сборник

Ленинград 1985

соединить элементы внешней политики Лисандра с теми элементами во внутренней политике, за которые ратовал Павсаний. По мнению П.Оливы, "смерть Лисандра и осуждение Павсания положили конец периоду внутренней борьбы за власть в Спарте. Окончательным победителем стал царь Агесилай, чья внешняя политика была политикой экспансии, похожей на политику Лисандра, но чья внутренняя политика служила усилению авторитета царей".⁴³

Таким образом, нестабильность спартанского общества, которая, в частности, выразилась в острой внутриполитической борьбе, привела к тому, что Спарта в самый важный для нее момент оказалась неспособной выработать долговременный внешне-политический курс и по-прежнему проводить активную внешнюю политику. Спарта не смогла закрепить свою победу в Пелопонесской войне. Те негативные явления, которые исподволь накаливались в обществе, за несколько послевоенных лет выплеснулись наружу и парализовали весь государственный организм Спарты. Война, таким образом, привела Спарту к глубокому внутриполитическому кризису, который со всей определенностью показал, что объективно спартанское государство никак не могло вступить в "башмаки" Афин и создать державу того же порядка, каким была Афинская архэ. К моменту вступления Агесилая на престол уже не существовало однородного гражданского коллектива в Спарте, который один только и мог быть гарантом стабильности всего общества. Интенсивность процессов дестабилизации доказывается тем, например, что именно в это время получают законченное словесное оформление возникшие в Спарте новые группы полугражданского населения (гипомейоны).

Параллельно кризису "низов", наиболее ярким проявлением которого можно считать заговор Кинадона, характерен для Спарты этих лет был и кризис "верхов". Борьба за власть между ведущими правящими группировками в Спарте была выражением все того же общего кризиса полиса, который к этому моменту охватил уже все спартанское общество в целом. Как нам кажется, кризисные явления в Спарте носили более радикальный характер, чем это было, например, в Афинах. Объяснение тому, ко-

нечно, надо искать в особенностях спартанского государства. В Спарте, по-видимому, позже многих других полисов Греции началась эпоха глубоких внутренних смут и потрясений. Создается впечатление, что Спарта сразу, без всякой предварительной подготовки оказалась в эпицентре самых разнообразных кризисных явлений, затронувших все слои спартанского общества - от ее элиты до самых низов. По-видимому, как раз в силу запоздалого вступления Спарты в полосу кризиса все его проявления носили здесь исключительно бурный и неожиданный по своей силе характер. Именно в такой связи - как проявление начавшегося кризиса верхов в Спарте - можно рассматривать, во-первых, суд над Павсанием, во-вторых, дальнейшую попытку этого царя хотя бы теоретически найти выход из того тупика, в который, по его мнению, завела спартанское государство политика Лисандра.

Е.А.Круглов

ПОЛИС И ГРАЖДАНСКО-ХРАМОВАЯ ОБЩИНА В КАРИИ В У-ИУ ВВ.ДО Н.Э.

По эпиграфическому материалу и сообщениям античных авторов нам известно, что исконной формой организации карийского населения, ведшего в гористых условиях своей страны хозяйство "оазисного" типа, были гражданско-храмовые, или теократические общины. Эти объединения могли включать в себя либо одну общину родичей - сингенцию, либо сами организовываться между собой вокруг крупных культовых святилищ в союзы (*τὸ κολυού τὸν Καρῶν*). Однако характерным являлось то, что эта форма организации туземного населения Карии, однажды найденная и для своего времени, быть может, единствено рациональная, с течением веков так и осталась для Карии единственной. Такое положение дел объясняется не только геоклиматическими характеристиками Карии, хотя, конечно, климат и природные условия, остававшиеся в течение многих веков практически неизменными, оказывали соответствующее воздействие на занятия населения и

43 Oliva P. Op. cit., p. 188.

формы его организации. Но не меньшую, а может быть и большую роль в консервации сложившихся форм сыграла греческая верхушка, которая возглавляла каждую из общин. Обладая всей полнотой власти религиозного, судебного и, отчасти, светского характера, храмовый центр общин не был заинтересован в утрате этих позиций и всеми силами культивировал сложившуюся систему отношений, тем самым объективно /а может быть и субъективно/ тормозя дальнейшее развитие общин в нежелательном для себя направлении.

Однако замечательным своеобразием Карии являлось то, что наряду с теократическими общинами на ее земле с XI-X вв. до н.э. стал активно функционировать новый социально-экономический организм – эллинский полис. Колонизация греками Малой Азии XI-X вв. коснулась и гористых районов Карии: здесь возникают греческие города Яссос, Книд и самый крупный из них – Галикарнас.

Первоначально взаимоотношения местного и пришлого населения складывались напряженно. И неудивительно, что "полудикие горцы", как именовал их С.Магаффи,¹ лишенные своих плодородных прибрежных земель и оттесненные колонистами в горы, в течение длительного времени вели вооруженную борьбу и совершали нападения на пришлых эллинов (*Vitr.*, II, 8, 12). Со временем, по мере смешения туземного и греческого этносов, эта проблема как будто потеряла свою остроту, однако определенные трения между общинами и греческими полисами сохранялись. В основе этого лежали хозяйственно-экономические интересы как тех, так и других в связи с ведением торговли и, особенно, выплатой налогов. Помимо общих податей, выплачиваемых общинами и полисами в центральную казну, существовал еще один налог – алофора, который хора выплачивала городам. Ее размеры нам неизвестны, но если, как предполагает И.С.Свенцицкая,² эта подать – *ἀποφόρα* – равнялась декате, то трения между сельским /карийским/ населением и полисами будут вполне понят-

¹ Mahaffy S.P. The Progress of Hellenism in Alexander's Empire. I., 1905, p.121.

² Свенцицкая И.С. Положение зависимого населения в Малой Азии V-II вв. до н.э. – ЕДИ, 1967, №4, с.84.

ны. Кроме сбора алофоры – декаты, города для сельских общин были еще и серьезным конкурентом в деле торговли, которая, в основном, велась через прибрежные греческие полисы. Если же община сама вывозила излишки своей продукции на приморские рынки, то за торговлю она выплачивала опять-таки городам особую дополнительную пошлину (*RC*, № 3-4), взиманием которой занимались специальные должностные лица полиса – *σκοτάριμοι*.

Но несмотря на конфликтные ситуации, возникавшие подчас между общиной и полисом, в целом для их отношений были характерны мирные деловые отношения, в основе которых лежали постоянные контакты торгово-экономического характера. Показателен в этом плане пример Книда, с самого начала ставшего ориентироваться развитие своей экономики на виноградарство и виноделие, поскольку окрестные сельские районы уже издавна практиковали эту культуру. Прибыль от внешней торговли этой продукцией оказалась столь значительной, что хора Книда, снабжавшая город сырьем, ради увеличения своих доходов стала расширять площади виноградников за счет посевов зерновых: прибыль от виноградников, согласно исследованиям А.Жарде,³ в пять раз превышала доходы от таких же площадей, занятых под зерно. Однако не только взаимовыгодная торговля и получаемая от нее прибыль определяли контакты и взаимодействия гражданских общин и полисов Карии. На наш взгляд, ведущим, хотя, возможно, не вполне осознаваемым современниками фактором, направленным на сосуществование и сотрудничество туземцев и эллинов, было сходство /пусть не тождественное, а достаточно отдаленное/ социально-политических форм организации местного населения и пришлого, греческого. Корни подобного явления, судя по имеющимся материалам, уходят в глубокое прошлое еще эгейского мира. Из Страбона (XI, I, 21) и Геродота (I, 92) до нас дошли сведения о знаменитом храме Артемиды в Эфесе. Хрецы культуры Артемиды помимо сакральных функций исполняли и экономико-светские, наблюдая за исправностью оросительной системы и

³ Jardé A. Les céréales dans l'antiquité grecque. Р., 1925, p.187.

следя за регулярностью платежей в фонд храма со стороны окрестных крестьян-общинников. Вся власть в этом теократическом союзе, судя по источникам (Strabo, loc. cit., Syll.³, № 553), была сосредоточена в руках коллегии жрецов - куретов во главе с πρωτοχούρη⁴. Пример Эфеса весьма показателен, ибо составляет интересную параллель с материевой Грецией. Дело в том, что коллегия куретов храма Артемиды Эфесской имеет аналогии в ряде городов Пилосского и Кносского царства, где высшие должностные лица также именовались κορετῆρε⁵. Факт этот, очевидно, свидетельствует о каких-то древних, еще до ионийской колонизации XI в., связях Эфеса с центрами Микенской Греции. Ко времени же ионийской колонизации влияние этого храмового центра достигло, видимо, столь значительного уровня, что колонизаторы, изгнав местное каро-лелегское население, посягнули на храм не решились, а в VI в. даже прибегли к его помощи для защиты города от войск Креза (Paus., 7, 2, 7; Aelian, V.H., 3, 26).

Сходный пример обнаруживает и Милет, также к XI в. попавший в руки ионян, изгнавших карийское население (Hdt., I, 146). Искони его управление находилось в руках коллегии священнослужителей μόλις /буквально певцы/, которая также имела аналогию в руководстве ряда городов Пилосского государства.⁵ Упомянутые факты важны и показательны. Они свидетельствуют о том, что принципы организации населения Малой Азии и конкретные элементы структуры объединений У-IV вв. восходят корнями либо ко временам мира хеттов /когда царь был не только полководцем и высшей светской инстанцией, но и главой культа/, либо к эгейской цивилизации, кносские правители которой имели аналогичные прерогативы. Если при этом не забывать о том, что и в самой Греции вплоть до позднего времени существовали храмовые государства Дельфы и Делос, то при противопоставлении полиса и гражданско-храмовой общине необходимо, по-видимому, учитывать и те общие черты, которые они имели

⁴ Дурье С.Я. Язык и культура Микенской Греции. М.; Л., 1957, с. 208.

⁵ Там же, с. 210.

со временем своего возникновения. Эта картина по мере последовательного сосуществования и взаимодействия полисов и общин Карии получила в IX-У вв. до н.э. свое дальнейшее развитие.

Характерным в этом плане является пример карийской Миласы. По сообщениям Геродота (I, 171) и Страбона (XIV, 2, 23) известно, что здесь находилось древнейшее святилище Зевса Ка-риоса, культ которого был также распространен у мисийцев и лидийцев. Неудивительно, что Миласа, находясь под патронажем Зевса Ка-риоса-Осогоа (Le Bas, 400), имела столь значительное влияние в Карии, будучи ее религиозно-политическим центром. Что касается структуры, то Миласа, как и ряд других храмовых союзов Карии, объединяла в свой конфедерат несколько сельских общин - сингений. Каждая из них сохраняла не только свое святилище, но и право на ежемесячное отправление культа (Syll.³, 1015) внутри миласского союза. В свою очередь, эти сингении были объединены в три филии, каждая из которых имела своим центром один из трех храмов Миласы. Для решения важнейших вопросов все миласцы собирались на регулярную гражданскую ассамблею ἐκκλησία κυρία, постановления которой утверждались окончательно волею трех фил (Syll.³, 167). Верховное руководство сингенетов Миласы по общей традиции Малой Азии находилось в руках коллегии жрецов, во главе которой в IV в. встала семья Гекатомна (Le Bas, № 361, 371, 378).

В 60-е годы IV в. семья Гекатомна переезжает в Галикарнас. Приблизительно в это же время сын Гекатомна, Мавсол, практически впервые в рассматриваемый период истории, присоединив к Галикарнасу шесть близлежащих каро-лелегских общин (Strabo, XIII, I, 59), проводит на малоазийской земле в чисто эллинском стиле синойкизм, с целью образования новой столицы.

Синойкизм новой карийской столицы на базе небольшого греческого полиса и местных гражданских общин был явлением принципиально нового порядка для социально-экономического развития Карии. Он свидетельствовал о том, что уровень эллинизации варваров достиг той стадии, когда на их земле стали возможными явления, доселе присущие только миру эллинов. Объясняется это, скорее всего, теми результатами в социальной сфере, которые были достигнуты общинами туземного населения в ходе их длительных контактов с греческими полисами к рубежу У-IV

вв. до н.э. Правда, Т.В.Блаватская⁶ полагает, что на побережье процесс эллинизации карийцев завершился уже к III в. до н.э., однако эта дата явно завышена: даже в искусстве, более всего подверженном влиянию новых веяний, Кария в УП-УІ вв. оставалась еще на уровне робкой и примитивной передачи греческих изображений.

О серьезных сдвигах можно, видимо, говорить только начиная с У-ІІІ вв., когда стали сказываться в качественном отношении те изменения, которые наметились в карийских общинах в ходе их многовековых контактов с полисами. Среди первых признаков этого следует считать то, что в У-ІІІ вв. предметом торговых отношений между хорой и полисом, наряду с традиционными товарами, постепенно стала и земля. Как миласские декреты середины IV в., так и современный им декрет из греческого полиса Яссоса (Syll.³, 167, 169) свидетельствуют о движении земельной собственности, так как все конфискованное у злоумышлявших на Мавсола заговорщиков имущество продается с торгов, в том числе и клеры (Syll.³, 169, 176). Конечно, яссоский и миласский декреты рядовыми называть нельзя, ибо в их основе лежат политические и судебные процессы. Однако если сам криминал был или мог быть явлением экстраординарным, то куплюпродажу земли к таким уже не отнести. У нас есть свидетельства галикарнасских надписей второй половины У в. о том, что в этот период земля уже являлась предметом торга. Эти надписи содержат сведения о продаже имущества должников, причем в составе продаваемого имущества были земельные участки, находившиеся как в пределах Галикарнаса, так и собственно в сельской местности Карии (Syll.³, 46:A, 11. 27-28, 48).

Наряду с документально засвидетельствованной в У-ІІІ вв. мобильностью общинной земли шли изменения и в социальной структуре гражданско-храмовых общин Карии. Их структура была

⁶ Блаватская Т.В. Греческое общество второго тысячелетия до н.э. и его культура. М., 1976, с. 33.

⁷ Akurgal E. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. B., 1961, s.160, 162 f.

достаточно сложна и в различных районах Карии, видимо, неоднородна. Однако типологически общими элементами структуры для всех общин были:

а) гражданско-храмовый коллектив, при всей внутренней дифференциации выступавший как собственник земли и потому эксплуататор неимущей части общины;

б) многочисленная группа неграждан общины и потому неполноправных ее членов - от общехрамовых рабов-иеродулов и частных рабов до освобожденных богатых вольноотпущенников.

Когда впервые появляется в Карии последняя категория населения, решить с точностью нельзя. Не исключено, что отпущенники как носители новых черт в социальной структуре общин, могли быть связаны с другим проявлением разложения общинных устоев - наемничеством, известным у карийцев с УП в. до н.э. Однако отпущенники засвидетельствованы в IV в. до н.э. Свидетельство это исходит из Ксанфа /Ликия/, чья территория в середине IV в. стала составной частью карийской сатрапии Мавсола и его преемников (Ps.-Arist., Оес.П., 2,13-14). В найденной здесь трилингве говорится об учреждении в 360 г. до н.э. Пиксадаром, братом Мавсола, нового культа - "царя Кавноса".⁸ Декретировалось, что на содержание святилища Ксанф должен ежегодно выплачивать три полмини, а вольноотпущенники - по две драхмы (*καὶ ὅπος αὐτῷ λέγει βέρος γενούται ἀπό τινεις τῷ μὲν δέ δραχμάδ. 11., 18-20*). Особенno важны именно эти строки: "а ставшие свободными должны жертвовать богу две драхмы". Характерно, что речь здесь идет об отпуске на волю как заурядном явлении, настолько известном в практике населения, что в декрете даже отмечается сумма индивидуальных взносов вольноотпущенников наряду с размерами платежей в фонд храма полноправных членов коллектива. Так или иначе, но декрет Ксанфа показывает, что к середине IV в. отпуск на волю в Карии практиковался как ординарное явление.

Часть отпущенников, обретя свободу, навсегда порывала с

⁸ Comptes Rendus de l'académie des inscriptions et belles-lettres. P., 1974, p.85 ff.

коллективом карийских общин, либо уходя в города, либо пополняя собой отряды наемников у сатрапов и полководцев (*Diod.*, XIV, 42, 7; *Pol.*, 7, 23, I; *Liv.*, XXXIII, 18, 9; *Ре.-Arist. Оес.*, II, 2, 14 c). Другая же часть связи с общиной не теряла, скромная, судя по надписям IV-II вв.,⁹ землю у общин для могил и склепов. Замечательно, что только в одной из дошедших надписей (№ III) у покупателя указан патрономик – Зосим, сын Калиппа, остальные же покупатели его не имеют. Это свидетельствует о том, что наибольшую активность в покупке земельных участков в эллинистический период проявляли именно вольноотпущенники, способствуя тем самым повышению мобильности земли в карийских общинах – основы всего хозяйствования и самого функционирования этой исконной организации местного населения.

Гражданско-храмовые общины У-IV вв. определенно были далеки от той родовой организации *бүүгүүсүүлэг*, которая лежала в основе их эволюции. Сама сингенция, как показали изыскания Ломонье,¹⁰ к этому времени являлась уже не родовым, а скорее территориальным образованием. Вместе с тем было бы не вполне верно характеризовать их как уже чисто классовые организации рабовладельческого типа, полностью порвавшие со структурой общин сингенетов. В ходе эволюции, шедшей по пути укрупнения сельских общин, эти объединения совмещали в себе самые разнообразные структурные элементы. Так, на рубеже У-IV вв. большинство декретов Миласы начиналось традиционной формулой: *εἰπε τὰς ψηφαῖς λαχεῖται εὐεργείας καὶ τάταρας* (*Le Bas*, 360 и др.). В течение IV-II вв. произошло объединение Миласы в койон с другой карийской общиной – Олимом. Сливвшись с Миласой и имея в новом союзе один голос против трех миласских, Олим в организационном плане стал чем-то вроде дема этого койона. Примечательно, что даже в I в. до н.э. он сохранял, судя по фрагментарной надписи,¹¹ элементы древней

⁹ Robert L. *La Carie*. Vol.II. Р., 1954, p.194-196, 284, 107, 108, 111 f.

¹⁰ Laumonier A. *Les cultes indigènes en Carie*. Р., 1958, p. 132-135.

¹¹ Buckler W.H. *Documents from Mylasa*. – BSA, 1916-1918, vol.22, p.208, 6-А.

структурь: в надписи упомянуты олимская сингенция и земля храма Зевса Лабранда. Но из того же Олима эллинистической эпохи доходит и другая надпись (*Le Bas*, 333), в которой дважды упоминается олимский демос. Таким образом, две приблизительно одновременные надписи одного и того же карийского храмового центра доносят свидетельства о его полисно-эллинском характере и, вместе с тем, о сохранении в нем древних малоазийских традиций.

Сходное сочетание обнаруживает в этот период и сама Миласа. В.В.Тарн¹² упорно отказывал ей в праве называться полисом, ссылаясь, с одной стороны, на Страбона, именовавшего Миласу *χωμη* (XIV, 2, 23), с другой стороны, на негреческий по характеру и духу вид ее документов. По словам В.В.Тарна, греческим здесь было только письмо документов. Нам думается, что в подходе В.В.Тарна не обошлось без передергов, на которые следует указать:

а) как в надписях У-IV вв., так и у современника этой эпохи Псевдо-Аристотеля (*Оес.*, II, 2, 13 b) Миласа постоянно характеризуется как "полис миласцев" (*Le Bas*, № 377-379, 399, 400);

б) надписи же доносят до нас то, что в эллинистический период в Миласе шло отправление литургий-гимносиархий, известных здесь уже в IV в. (*Le Bas*, № 395; *Ре.-Arist. Оес.*, II, 2, 31), существовали в это же время и выборные должности агораномов, архонтов, стефанофоров (*Le Bas*, № 348, 394, 416).

Однако все указанные признаки, тем не менее, вовсе и не должны свидетельствовать о Миласе как греческом полисе, поскольку это был искони туземный храмовый центр с прилегающей земельной окружкой. Другое дело, что развитие миласской общинь объективно сообщало ей черты, в чем-то типологически сходные с полисными, эллинскими. Едва ли это было результатом только политики эллинизирования, искусственно насиживавшейся, как полагает ряд исследователей,¹³ в Карии при Массоле. Однако,

¹² Tarr W.W. Alexander The Great. Vol.II. Cambridge, 1950, p.225 f.

¹³ Tarr W.W. loc.cit; Miller H.H. *Bridge to Asia. The Greeks in the Eastern Mediterranean*. N.Y., 1967, p.31, 226 f.; Grimal P. *Hellenism and the Ring of Rome*. L., 1965, p.6.

рассматривая общественное развитие Карии IV в. под углом зрения "искусственного эллинизирования" страны Мавсолом, мы должны были бы, видимо, иметь тому повсеместные примеры, аналогичные отстроенному в чисто греческом стиле Галикарнассу. Но факты не подтверждают эту точку зрения, а подчас свидетельствуют об обратном. Археологические изыскания Г.Бина и Дж.Кука показали в двух каро-лелегских городках, Минде и Сиангеле, следы активной деятельности Гекатомнидов, но Минд, не готовый "принять греческую политическую жизнь", вплоть до II в. до н.э. оставался туземным городком.¹⁴ И если дошедший до нас декрет о присуждении золотого венка и проксении некоему Сибили от имени демоса Минда содержит целый ряд характерных эллинских признаков, то связывать этот декрет римской поры с деятельностью Мавсола совершенно исключено. Нет ни археологических, ни нарративных свидетельств деятельности Гекатомнидов в Баргиле, а между тем этот сугубо туземный храмовый центр уже в 20-х годах IV в. издавал декреты в честь Ἡρῷον Αλεξανδρού именем демоса и буде (Le Bas, № 496, 1. 24).

По-видимому, эти факты свидетельствуют о глубинных и естественных процессах, шедших в туземных организациях Карии и дававших выходы, подчас отличные друг от друга и неоднозначные по характеру. Среди карийских храмовых объединений была известна община тельмесцев, чье святилище Аполлона, согласно Геродоту (I, 84) и Ариану (II, 3), пользовалось уважением у царей Лидии и Фригии. Когда же в IV в. волею Мавсола Тельмесса вошла в состав Галикарнасса, она, тем не менее, сохранила и свою ателию, и известную автономность, так как еще и во II в. до н.э. Галикарнасс издавал декреты γέρε τοῦ κοινοῦ Τελμησσέων καὶ τῆς πόλεως.¹⁵

Вероятно, здесь нашло отражение сосуществование в рамках целого туземной общины тельмесцев и греческой общины Галикарнасса, взаимосвязанных и не поглощавших одна другую.

Иной тип эволюции общин Карии являла собой Стратоникея.

¹⁴ Bean G. E., Cook J. M. The Halicarnassus Peninsula. - Ann. of the British School at Athens, 50. L., 1955, p.111 f.

¹⁵ The Journal of Hellenic Studies. Vol.14. L., 1894, p. 234.

Древнее ее исконное название было Хрисаорея (Raia., У, 21, 10), еще сохранявшееся в надписях IV в. до н.э. (Le Bas, № 399). Судя по ним, уже в этот период она называлась полисом, однако настоящее возвышение и переименование произошло в эпоху Селевкидов. Во II-I вв. до н.э. это, прежде малозаметное святилище Зевса Хрисаориса, стало, согласно Страбону (XIV, 2,25), центром общекарийского союза, куда влился ряд прежде самостоятельных храмовых союзов, в том числе и миласский. Структура нового объединения оказалась уже достаточно сложной: согласно тому же свидетельству Страбона, в состав Хрисаорейского союза входили только χώραι, однако на деле здесь была и Миласа, которая, как мы пытались показать выше, отнюдь не являлась рядовой комой.

Стратоникея, хотя ее население и не было карийским (Strabo, loc. cit.), входила в союз на том основании, что на ее землях находился ряд карийских общин, бывших ее демами и одновременно - членами Хрисаорейона. Одним из таких демов являлась Алабанда. В римское время она также получила статус полиса и стала называться Антиохией, однако в предшествующий период входила как составной элемент в структуру союза. Сохранился ее декрет эллинистической эпохи, где Алабанда как сингенция присуждает Аристолаю, сыну Горгия, золотой венок и медную статую, поскольку этот человек был в высшей степени приятным χαρούμενος для всех членов сингенции и всего Хрисаорейского союза.¹⁶ Совершенно аналогичный декрет в честь того же Аристолая с присуждением ему тех же знаков отличия дошел от самой Стратоникеи именем ее демоса.¹⁷

Это могло бы показаться поразительным: по соседству с народным собранием Стратоникеи идентичный документ принимает на автономных началах ее дем, именующийся по старинке сингенцией. Но дело, видимо, не в привычке к традиции, поскольку из самой Стратоникеи того же периода доходит документ сходного содержания /о присуждении золотого венка/, но привлекающий внимание своим началом "Η ρωτή καὶ ὁ δῆμος τὰς αἱρεῖ γεραι-

¹⁶ Diehl C., Cousin G. Inscriptions d'Alabanda en Carie. - BCH, 1886, I, p.309.

¹⁷ Ibid., p.310.

біл ітіңбай...¹⁸ Подобное причудливое сочетание в руководстве полиса туземной и эллинской традиций могло произойти только естественным путем, в ходе длительного сосуществования обоих начал на карийской территории. Картина подобного своеобразия в области управления дополняется специфическим характером взаимоотношений внутри самого союза. Мы уже отмечали Алабанду, вполне самостоятельно издававшую свои декреты в рамках Хрисаорейона. Но отдельные демы этого Союза пошли еще дальше. Наряду с Миласой и Алабандой в состав объединения входила и община с культом Зевса Панамарейского. Будучи демом Стратоникеи, она, тем не менее, ушла в сравнении с ней так далеко вперед, что сама даровала ряду стратоникейцев права гражданства в Панамарейском койоне, а через него – и в Хрисаорейоне.¹⁹ Подобная необычность во взаимоотношениях части и целого в Союзе привела Страбона к тому, что он в попытке отыскать этому объединению точное греческое определение не нашел ничего адекватного и остановился на неопределенном – бιβτηκα.

Развитие Карии, как свидетельствует Хрисаорейская система, шло по пути медленного, но непрерывного процесса объединения древних сельских общин в новые, более крупные союзы – койоны. И дело не только в количественных преобразованиях и даже не столько в них, сколько в том, что в ходе этих изменений, шедших естественным путем, возникали новые социальные структуры, хранившие еще элементы туземного уклада и, вместе с тем, сближавшиеся объективно в немалой степени с эллинскими. На результатах этой эволюции не могло не оказаться, конечно, длительное сосуществование и взаимодействие карийских общин и греческих полисов, так что даже само укрупнение первых чисто внешне напоминало эллинские симполитии. Именно своеобразное сочетание общинами и койонами Карии на рубеже V–IV вв. до н.э. местного и эллинского начал и определило ту специфику, трезвый учет которой постоянно был в поле зрения Гекатомнидов, карийских властителей IV в. до н.э.

¹⁸ Laumonier A. Inscriptions de Carie. – BCH, 1934, vol. 58, p. 341.

¹⁹ BCH, P., 1904, vol. 28, p. 353.

А.И.Попов

ВЛАСТЬ АГАФОКЛА СИРАКУЗСКОГО

Структурный анализ созданной Агафоклом державы логичнее всего начать с рассмотрения личной власти самого правителя, тем более, что можно констатировать – именно этот аспект отражен в традиции сравнительно лучше других.

Вопрос о конституционном оформлении власти Агафокла довольно поздно стал объектом исследования. Для морализирующей, по-вествовательной историографии середины прошлого века вопрос этот не вставал. Ученые того времени просто именуют его "тиран", "деспот", даже "злой военный деспот".¹ Только Б.Нибур упомянул о титулатуре Агафокла, но буквальное следование за источником привело его к ошибке.² Исследования конца прошлого века ограничивались обычно констатацией того факта (отмечено го, впрочем, уже Диодором), что назначение Агафокла стратегом-автократом и означало рождение новой тирании. Исключение составляет работа Э.Фримена, уделившего немало внимания юридическому положению тирана.³

Только в антиковедении начала нашего века выкристаллизовался особый интерес к формально-юридическим аспектам тирании. Теперь, наряду с признанием того, что по своей сущности власть

¹ Grote G. Geschichte Griechenlands. Bd.6. B., 1880, S.667, 699; Wachsmuth W. Hellenische Altertumskunde aus dem Gesichtspunkte des Staates. T.1, Abt.2. Halle, 1828, S.403; Flasch H. Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen. T.2. Bremen, 1852, S.273.

² Нибур предположил, что после переворота Агафокл объявил себя династом и носил титул βιβτηκα до того времени, когда принял титул πατέλευς (Niebuhr B. Vorträge über alte Geschichte. Bd.2. B., 1851, S.24%).

³ Герцберг Г. История Греции. СПб., 1881, с.596; Драйзен И. История эллинизма. Т.2. М., 1893, с.234; Holm A. Geschichte Siciliens im Altertum. Bd.2. Leipzig, 1874, S.225; Freeman E. The History of Sicily. Vol.4. Oxford, 1894, p.378–381.